

Й. ван дер Аувера (Антверпен)
В. Ю. Гусев (Москва)
Н. Р. Добрушина (Москва)

Семантическая карта императива-гортатива¹

0. Введение

Статья посвящена сходствам и различиям в системах выражения повеления — приказов, просьб, приглашений — в разных языках. Ключевым для данной работы является понятие так называемой «семантической карты», которое поясняется в разделе 1. В разделе 2 представлены некоторые результаты изучения императивных и сходных с императивными конструкций; наконец, в разделе 3 предлагается семантическая карта, отражающая, как нам кажется, некоторые интуитивные представления об устройстве императивных значений.

1. Семантические карты

Семантические карты, также называемые «когнитивными», или «ментальными», широко используются при типологическом изучении языков. Сама по себе идея таких карт не нова, но по крайней мере в типологии она завоевала признание лишь в последнее время. Семантические карты в той или иной степени уже составлены для многих значений, в том числе для времени и вида [Anderson 1982], эвиденциальности [Anderson 1986], условных конструкций [Traugott 1985], залога [Kemmer 1993] и неопределенности [Haspelmath 1997]². В нашей работе будут рассматриваться значения, традиционно относимые к области модальности.

Современная типология в большой степени стремится объяснить языковые формы, исходя из их значений. Элементы структуры сходны потому, что сходны их значения; это верно для форм как внутри одного и того же языка, так и в разных языках. Ср. употребление модального глагола *должен* в следующих примерах:

- (1) а. Маша сейчас должна идти домой.
- б. Маша сейчас должна быть дома.

---

¹ Работа над статьей была проведена во время пребывания Н. Р. Добрушиной (Московский государственный университет) и В. Ю. Гусева (Институт языкознания РАН) в Центре грамматических, когнитивных и типологических исследований Антверпенского университета. Работа велась при поддержке гранта № G.0097.98 N Фонда научных исследований Фландрии. Авторы выражают благодарность Я. Нойтсу, а также студентам, посещавшим курс типологии в Антверпенском университете осенью 2000 г.

² Семантические карты связаны с понятием иерархии, которое также широко используется в типологии; но карты устроены более сложным образом. Иерархия представляет значения, упорядоченные по какому-то одному признаку; карта же может включать несколько признаков и не обязательно предполагает упорядоченность. Можно считать, что иерархии — это подтип семантических карт. Ниже, в разделе 3, будет проиллюстрировано соотношение между картами и иерархиями.

(1a) (при наиболее естественном прочтении) выражает долженствование; (1б) — высокую вероятность. Эти два значения, разумеется, не тождественны; однако они имеют некую общую часть. Долженствование — это необходимость, вызванная определенным положением вещей; в ситуации, описанной в (1a), существуют некие обстоятельства — возможно, чье-то желание или приказ, — которые вынуждают Машу уйти. Высокая вероятность также представляет собой необходимость, однако это необходимость эпистемическая или инференциальная, и относится она к суждению говорящего и к степени его уверенности. Эпистемическая необходимость — это необходимость именно данного, а не какого-либо другого суждения. Возможно, говорящий считает, что Маша всегда приезжает на работу на велосипеде, видит, что ее велосипеда уже нет на месте, и из этого делает вывод, что Маша должна быть дома. По-русски или по-английски глагол *быть* *должным* может использоваться как для выражения долженствования, так и для выражения высокой вероятности. В эвенкийском языке (тунгусская семья) оба эти значения (или употребления) также могут быть выражены, однако они используют разные показатели: для долженствования используется суффикс *-mAchín*, для эпистемической необходимости — суффикс *-nA*:

(2) эвенкийский [Nedjalkov 1997: 269, 264, 265, 265]

a. *Minggi girki-v ilan-duli chas-tuli suru-mechin-in.*

мой друг-1SG.POSS три-PROL час-PROL уйти-OBL-3SG

‘Мой друг должен уйти через три часа’.

b. *Su tar asatkan-me sa:-na-s.*

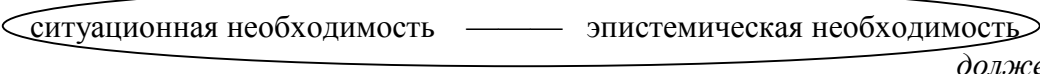
вы этот девушка-ACC.DEF знать-PROB-2PL

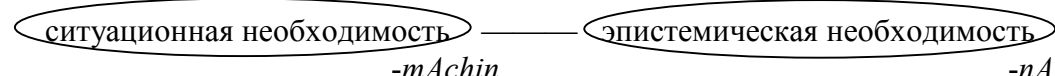
‘Вы, вероятно, знаете эту девушку’.

У нас есть, таким образом, некоторая классификация языков. Существуют по меньшей мере два типа языков: в одних есть маркер, который используется и для «ситуационной», и для эпистемической необходимости; другие используют два разных показателя. Мы также получаем простейшую семантическую карту:

(3) ситуационная необходимость ————— эпистемическая необходимость

Ситуационная и эпистемическая необходимость представляют собой разные значений; поэтому они имеют различные названия. Однако эти понятия имеют нечто общее, и этот факт отражает соединяющая их линия. Мы можем нанести на карту функции русской лексемы *должен* и эвенкийских суффиксов *-mAchín* и *-nA*:

(4) ситуационная необходимость ————— эпистемическая необходимость
должен

(5) ситуационная необходимость ————— эпистемическая необходимость
-mAchín *-nA*

Такая ситуация вполне типична. Снова и снова мы сталкиваемся с тем, что одни языки выражают по-разному то, что в других языках кодируется одинаково. Однако с другой точки зрения, мини-карта, представленная на схемах (3)–(5), весьма необычна, поскольку на ней представлено лишь два

значения. Обычно значений гораздо больше. При более подробном изучении области модальных значений мы должны различать различные подтипы ситуационной и эпистемической модальности; кроме того, на карте следует отразить, как необходимость и возможность соотносятся с не-модальными значениями (см. [van der Auwera, Plungian 1998]). Поясним это на нескольких примерах. Так, возможность, как и необходимость, может быть ситуационной и эпистемической:

- (6) а. *Вы можете идти.* [Ситуационная возможность]
 б. *Он может быть в соседней комнате.* [Эпистемическая возможность]

Как и конструкции со значением необходимости, конструкции со значением возможности в разных языках различаются в зависимости от того, какие употребления они могут иметь. Например, английское *may* может употребляться в обоих значениях, а этимологически соответствующий ему нидерландский глагол *mogen* — только для выражения ситуационной возможности:

- (7) нидерландский
 а. *Je mag nu gaan.* [Ситуационная возможность]
 ты мочь.Praes .Sg теперь идти
 ‘Ты можешь идти’.
 б. **Jan mag hiernaast zijn.* [Эпистемическая возможность]
 Ян мочь.Praes.Sg здесь.рядом быть
 ‘Ян может быть в соседней комнате’.

Более тонкое различие может быть проиллюстрировано английскими глаголами *can* и *may*. *Can* употребляется как для выражения способности, т. е. возможности, обусловленной какими-либо свойствами субъекта, так и для разрешения, т. е. возможности, вызванной внешними по отношению к субъекту обстоятельствами; *may* может иметь только второе употребление:

- (8) английский
 а. **I may swim.* [Способность]
 я мочь плавать
 ‘Я умею плавать’.
 б. *You may go now.* [Разрешение]
 вы мочь идти теперь
 ‘Вы можете идти’.

- (9) английский
 а. *I can swim.* [Способность]
 я мочь плавать
 ‘Я умею плавать’.
 б. *You can go now.* [Разрешение]
 вы мочь идти теперь
 ‘Вы можете идти’.

Рассматривая отношения между возможностью и необходимостью, а также между обоими этими значениями, с одной стороны, и не-модальными употреблениями — с другой, мы можем отметить, что датский глагол *må* (этимологически тождественный англ. *must*) может обозначать как ситуационную возможность, так и ситуационную необходимость, а нидерландское *mogen* означает также ‘любить’, ‘нравиться’:

(10) датский [Davidsen-Nielsen 1990: 187]

Nu må du fortælle.

теперь *må* ты рассказывать

‘Теперь ты можешь/должен рассказать историю’.

(11) нидерландский

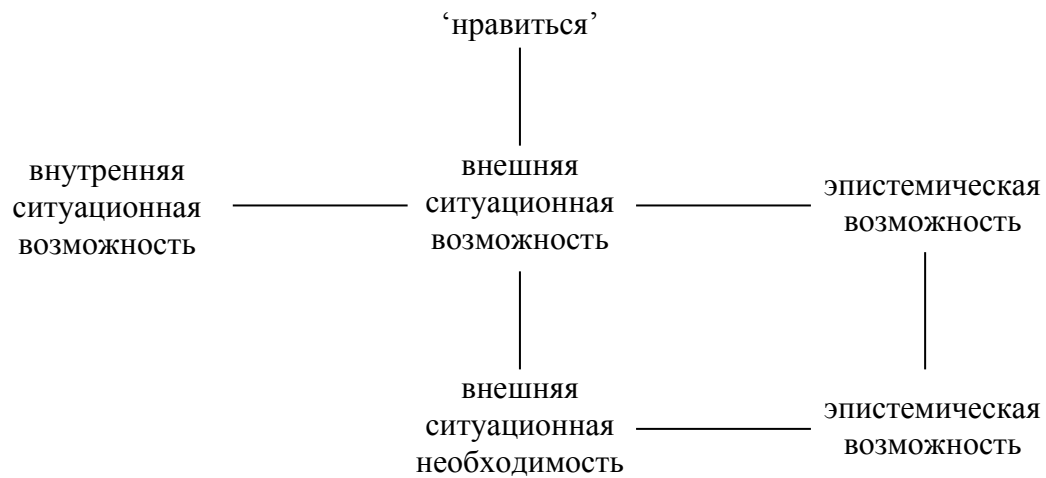
Ik mag geen soep.

я *mogen.Praes.Sg* Neg суп

‘Я не люблю суп’.

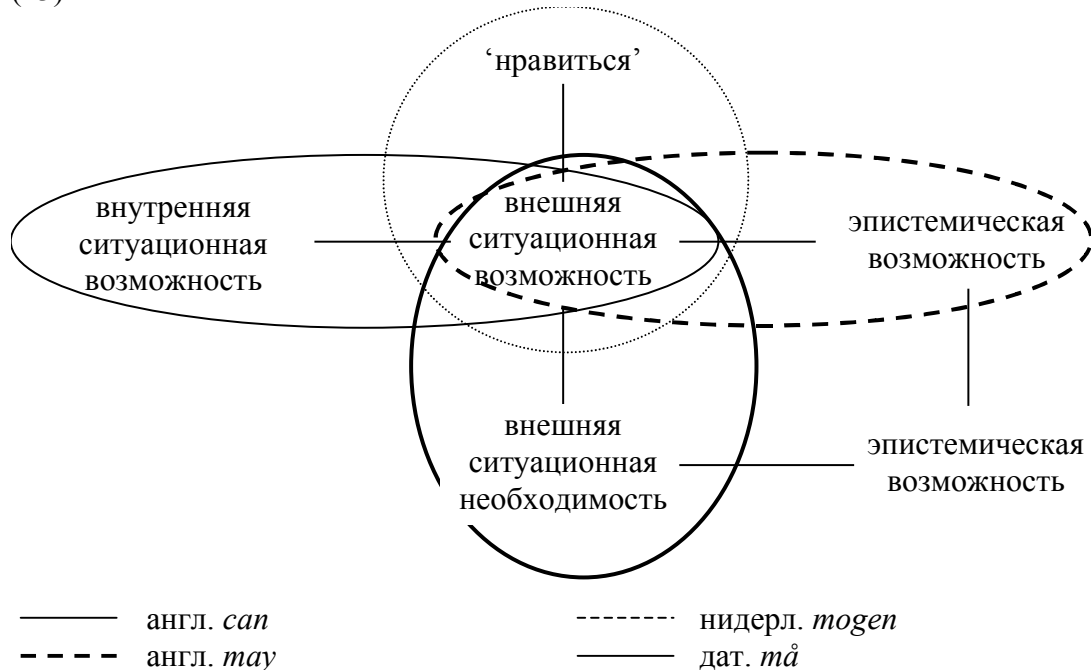
Мы видим, что карта всего с двумя значениями не отражает реального положения вещей. Ее следует расширить — примерно так:

(12)

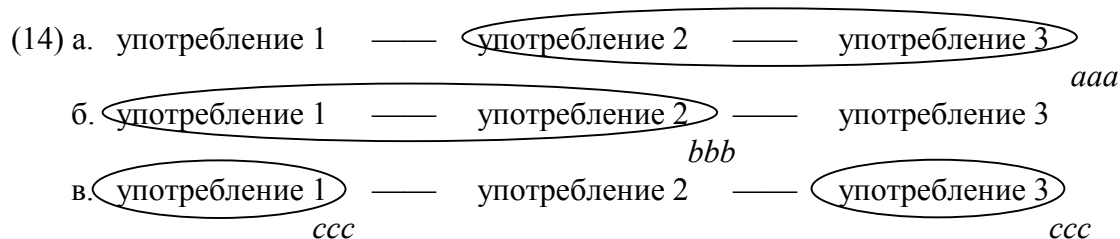

На схеме (13) показаны употребления английских глаголов *may* и *can*, нидерландского *mogen* и датского *må*:

(13)

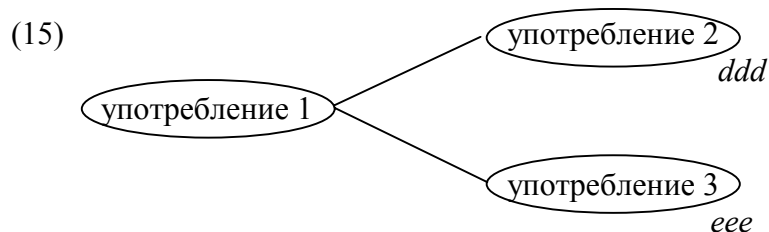

Заметим, что два значения датского *må* на схеме расположены рядом, так же как значения английского *can*, английского *may* и нидерландского *mogen*. Это наиболее фундаментальное свойство семантических карт: если тот или иной показатель имеет более чем одно употребление, эти употребления должны располагаться рядом. Ср. следующие абстрактные схемы:

Схемы (14а) и (14б) допустимы, поскольку области употребления показателей *aaa* и *bbb* непрерывны. Схема (14в) нарушает требование непрерывности; из нее можно сделать вывод, что языков, которые соответствовали бы этой схеме, не существует.

Однако из требования непрерывности есть по крайней мере одно исключение. Два значения, выражаемые одним и тем же показателем, могут располагаться не рядом, если диахронически они восходят к некоторому третьему значению, которого уже не существует. Такое распределение показано на схеме (15) (см. более подробное обсуждение этого вопроса в [van der Auwera, Plungian 1998]); линиями показано диахроническое развитие от значения 1 к значениям 2 и 3:

2. Императивы и гортативы

Императив и близкие к нему категории в типологическом плане изучались сравнительно мало; исключением являются такие работы, как [Володин, Храковский 1986], сборник работ Санкт-Петербургской типологической школы под редакцией В. С. Храковского ([Храковский (ред.) 1992], дополненный англ. перевод [Храkovskij (ed.) 2001]), а также работа [Zanuttini 1997] и последующие исследования, посвященные отрицательным императивам. Сам термин «императив» также понимается по-разному. Но, по крайней мере, с одним утверждением большинство лингвистов согласны: высказывания (16) и (17), произнесенные с целью заставить петь одного или нескольких адресатов, являются императивами:

- (16) английский
Sing!
 ‘Пой(-те)!’

(17) французский

Chante! / Chantez!

‘Пой! / Пойте!’

Отметим, что наше утверждение (с которым, как мы полагаем, согласно большинство исследователей) касается не самих форм, но лишь их употребления. Ни английская, ни французские формы не являются специализированными императивами. Английское *sing* употребляется также как инфинитив и как настоящее время для всех лиц и чисел, кроме 3Sg. Число его значений, таким образом, весьма велико, и вопрос о том, считать ли форму в примере (16) императивной, постулируя тем самым омонимию, может решаться по-разному. Мы оставляем этот вопрос открытым; объект нашего исследования определяется не формой, но в первую очередь значением.

В этом разделе мы сосредоточимся на другой проблеме: можно ли говорить об императивах не-второго лица. Во французской грамматической традиции это вполне возможно. Форма в примере (18) обычно называется «императивом 1-го лица множественного числа»:

(18) французский

Chantons!

‘Споем! / Будем петь!’

Аналогичная английская конструкция императивом обычно не называется. Для этого у авторов грамматик есть два основания: формальное и семантическое. Говоря о семантике, можно указать, что значение конструкции 1Pl несколько отличается от императива 2-го лица: *Let us sing!* является не столько приказом, сколько приглашением. С формальной точки зрения эта конструкция также отличается: императив 2-го лица представляет собой чистую глагольную основу, а *let us sing!* состоит из глагола *let* плюс местоимение плюс инфинитив смыслового глагола.

В рамках английской грамматики решение не называть конструкцию *let us sing!*, возможно, вполне адекватно. При типологическом подходе, однако, оно менее очевидно. Соображения семантики не убедят представителя французской традиции: не отрицая того, что *chantons!* несколько отличается по своему значению от *chante!* и *chantez!*, он, тем не менее, назовет все три формы «императивами», отвлекаясь от того, к кому именно обращен призыв выполнить пожелание говорящего. Формальный аргумент также может вызывать возражения. Так, Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский [1992: 29] в своем введении к сборнику статей [Храковский (ред) 1992] отмечают, что императивная парадигма в самых разных языках очень редко оказывается формально однородной. Иначе говоря, тот факт, что *let us sing* и *sing!* формально устроены по-разному, не запрещает нам называть обе формы императивными.

Споры о том, считать ли форму императивной или нет, касаются не только 1-го лица множественного числа. Так, для марийского языка (уральская семья) в работе [Sebeok, Ingemann 1961: 21–22] постулируется парадигма, состоящая из 2-го и 3-го лиц обоих чисел; 3-е лицо также считается «императивом»:

(19) марийский [Sebeok, Ingemann 1961: 21–22]

	SG	PL
2	-Ø /-t	-za/-sa
3	-šel/-že/-šo/-žo/-šö/-žö	-(ə)št

(20) марийский [Sebeok, Ingemann 1961: 21–22]

а. *Taj kində-m kondo-Ø!*

ты хлеб-Асс принести-Imp.2Sg

‘Принеси хлеб!’

б. ... *küə-m koč-so!*

камень-Асс есть-Imp.3Sg

‘... пусть она (т. е. мышь) ест камень!’

Сходным образом устроена парадигма «ирреального будущего времени» в языке аламблак (Папуа — Новая Гвинея). Автор грамматики [Bruce 1984: 139–140] называет формы 2-го лица императивными; однако для 3-го лица он предпочитает термин «гортатив».

В некоторых языках формы императива 2-го лица сходны с формами как 3-го лица, так и 1-го лица множественного числа. В примере (21) приводится парадигма безобъектного спряжения глагола *vár* ‘ждать’ в венгерском языке:

(21) венгерский [Kenesei, Vago, Fenyvesi 1998: 311]

	SG	PL
1		<i>várjunk</i>
2	<i>várj(ál)</i>	<i>várjatok</i>
3	<i>várjon</i>	<i>várjanak</i>

Заметим, что форма 1Sg в таблице отсутствует. На самом деле, такая форма существует и употребляется в значении ‘подожду-ка я’, однако она обязательно употребляется с частицей *hadd* ‘давай’; при прочих формах эта частица факультативна.

Парадигма, имеющая все формы лица и числа, представлена вежливым (некатегорическим, иногда относящимся к будущему времени) императивом в эвенском языке (тунгусская семья). В (22) приводятся формы глагола *ga-* ‘брать’ (заметим, что в этом языке имеются специальные формы для инклюзивного и эксклюзивного значений 1-го лица мн. ч.):

(22) эвенский [Malchukov 2001: 161]

	SG	PL
1	<i>ga-d'inga-v</i>	<i>ga-d'inga.vur</i> (инклюзив) / <i>ga-d'inga.vun</i> (эксклюзив)
2	<i>ga-nga-nri</i>	<i>ga-nga.san</i>
3	<i>ga-d'inga.va-n</i>	<i>ga-d'inga.vu-tan</i>

Перед нами по меньшей мере две проблемы. Одна из них — чисто терминологическая. Как следует именовать формы не-второго лица, которые употребляются так же, как обычные формы 2-го лица императива, за исключением того, что они относятся не к адресату или (как в случае 1-го лица мн. ч. инклюзива) не только к адресату. В сборнике [Храковский (ред.) 1992] для всех лиц употребляется термин «императив». Термин «гортатив» и производные от него («адгортатив» и «эксгортатив») используются в работах [van der Auwera, Ammann 2001; Ammann, van der Auwera 2001]. В настоящей

работе мы не будем настаивать на этом решении и объединим все интересующие нас формы под общим ярлыком «императив-гортатив».

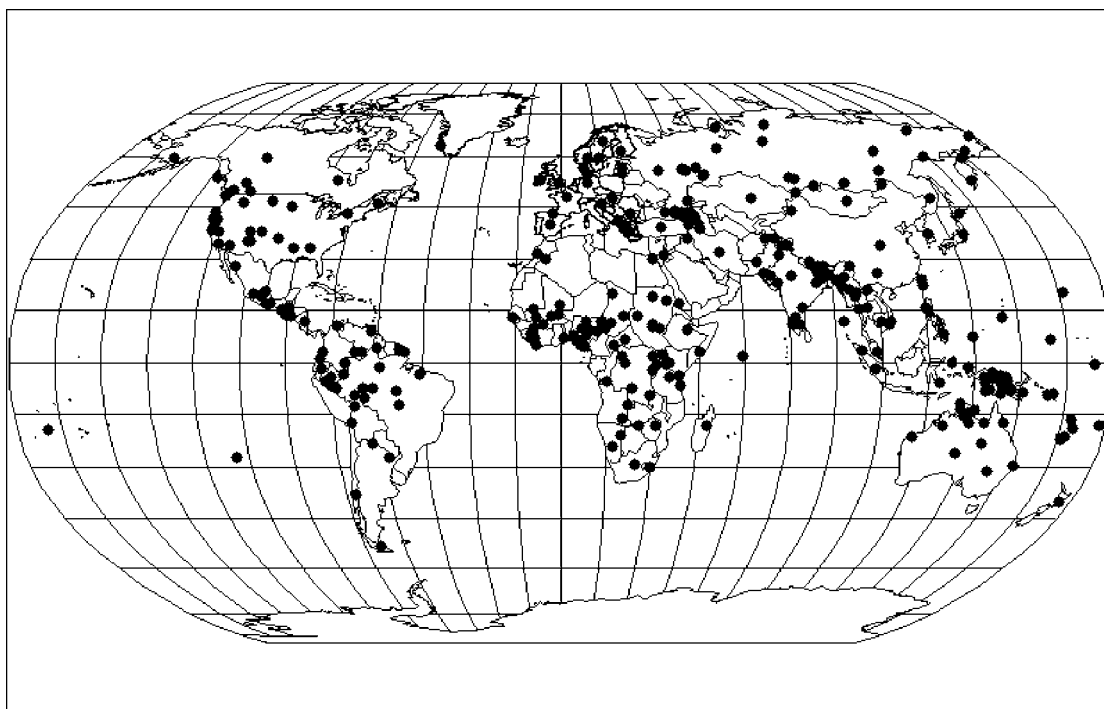
Вторая проблема касается формального устройства императивно-гортативных парадигм. Мы полностью согласны с утверждением Бирюлина и Храковского [1992: 29] о том, что императивные парадигмы редко бывают однородными. Однако эти парадигмы могут обладать хотя бы частичной однородностью. В английском *let us sing* и *sing* действительно устроены совершенно по-разному; однако во французском формы *chante*, *chantez* и *chantons* формально довольно близки. Как мы видели, формально однородны со 2-м лицом может быть также 3-е лицо (марийский, аламблак), 3-е лицо и 1-е лицо мн. ч. (венгерский), 3-е и 1-е лица обоих чисел (эвенский). В нашей статье исследуется именно вторая проблема. Насколько частичная однородность внутри императивно-гортативной парадигмы типична для разных языков?

3. Семантическая карта императива-гортатива

Нами было изучено формальное устройство императивно-гортативных парадигм в 376 языках. Это достаточно представительная выборка языков, которая в свою очередь является частью гораздо более обширного списка, составленного в частичном соответствии с принципами, предложенными в [Rijkhoff, Bakker, Hengeveld, Kahrel 1993]³. Очень часто информация, содержащаяся в грамматиках, оказывалась неполной, и наши 376 языков — это те языки, для которых мы сочли возможным хотя бы предположительно сформулировать гипотезу об устройстве императивно-гортативных систем. Некоторое представление о выборке дает карта 1; хотя многие точки, обозначающие языки, накладываются друг на друга, карта по крайней мере показывает, что выборка покрывает всю территорию земного шара. Некоторые выводы о распространении тех или иных императивно-гортативных систем делаются в [van der Auwera, Dobrushina, Goussev 2003].

---

³ При составлении выборки также учитывались требования проекта «World Atlas of Semantic Structure» (см. о нем [Dryer, Haspelmath, Gil, Comrie (eds.) 2003]). Для этого проекта были составлен список из 200 языков, который полностью включен в нашу выборку.

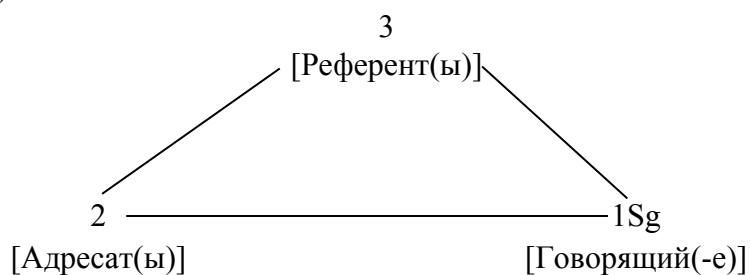

Карта 1

3.1. Принципы семантической карты

При составлении карты мы основывались на трех частично независимых признаках: а) статус участников речевого акта (говорящий, адресат и референт); б) число участников речевого акта и в) свойства императивно-горгативного речевого акта. Схематически три участника речевого акта представлены ниже:

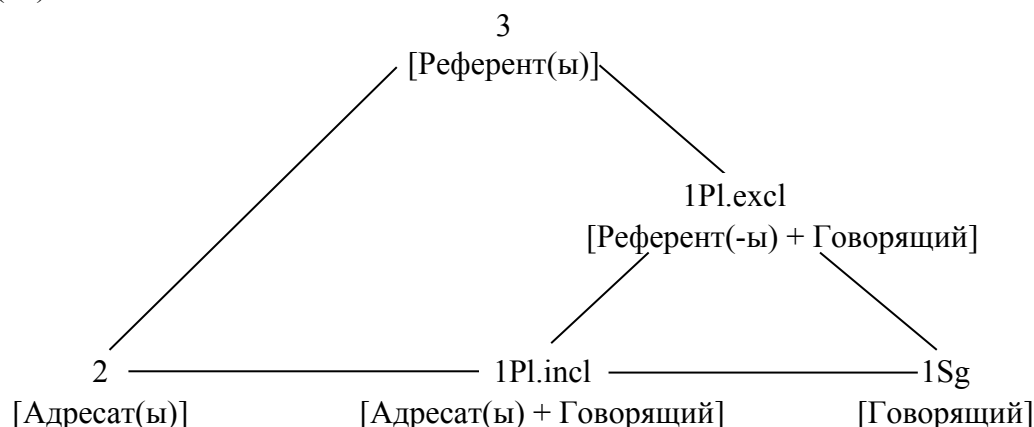
(23)

Отметим, что говорящий — всегда в единственном числе. Не существует языка, в грамматике которого кодировалось бы понятие нескольких человек, говорящих одновременно [Cysouw 2001: 66].

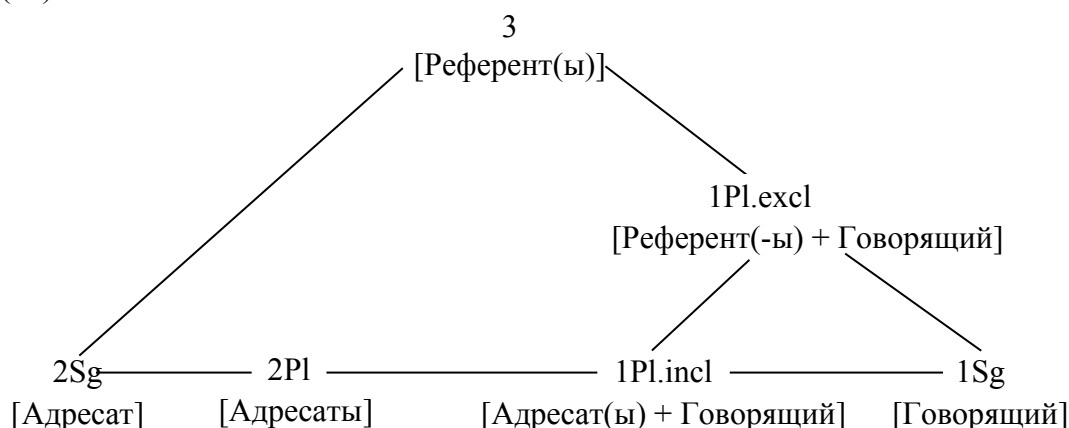
Поясним теперь традиционное понятие «1-го лица мн.ч.». Оно может соответствовать либо «говорящему и адресату (адресатам)» (инклюзив), либо «говорящему и референту (референтам)» (эксклюзив):

(24)

Обратим также внимание на числовые различия во 2-м и 3-м лицах. Для 2-го лица мы различаем единственное и множественное число (2-е лицо мн.ч. помещается рядом с 1-м лицом мн.ч. инклюзива); это отражает тот факт, что многие языки используют разные стратегии для разных чисел 2-го лица. В 3-м лице, напротив, мы помещаем все числа вместе: в нашей выборке нет ни одного языка, в котором 3-е лицо ед.ч. и 3-е лицо мн.ч. были бы формально неоднородны.

(25)

Разумеется, помимо единственного и множественного, существуют и другие числа — такие как двойственное, тройственное и паукальное. В частности, двойственное число может кодироваться в императивно-гортативной парадигме, как, например, во 2-м лице в сино-тибетском языке лимбу (26) или в языке ава пит (Колумбия) (27):

(26) лимбу

- a. *Ips-∅-ε?*
спать-2Sg-Imp
'Спи!'
- b. *Ips-etch-ε?*
спать-2Du-Imp
'Спите!'
- c. *Ips-amt-ε?*
спать-2Pl-Imp
'Спите!'

(27) ава пит [Curnow 1997: 248]

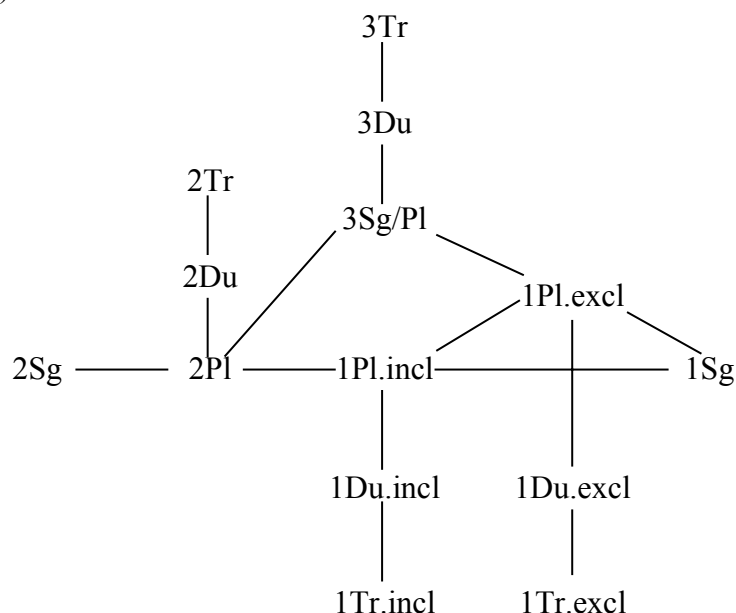
Ku-pay!

есть-Imp.1Du.incl

‘Давайте поедим (ты и я)!’

Тройственное число встречается гораздо реже, однако такие примеры имеются; см. в разделе 3.2. про язык мотлав (Вануату). Двойственное, в отличие от множественного, употребляется только для двух адресатов. Везде, где есть двойственное число, есть и собственно множественное (т.е. не-единственное), которое в этих случаях употребляется для трех и более адресатов. Если в языке существует тройственное число, в нем есть и двойственное, и множественное, причем последнее означает ‘четыре и более’. Максимальный набор значений, встретившийся в нашей выборке, представлен на схеме (28). Пока не очень ясно, следует ли помещать двойственное и тройственное числа отдельно или их следует объединить, как мы сделали это в третьем лице. Здесь мы принимаем первое решение.

(28)

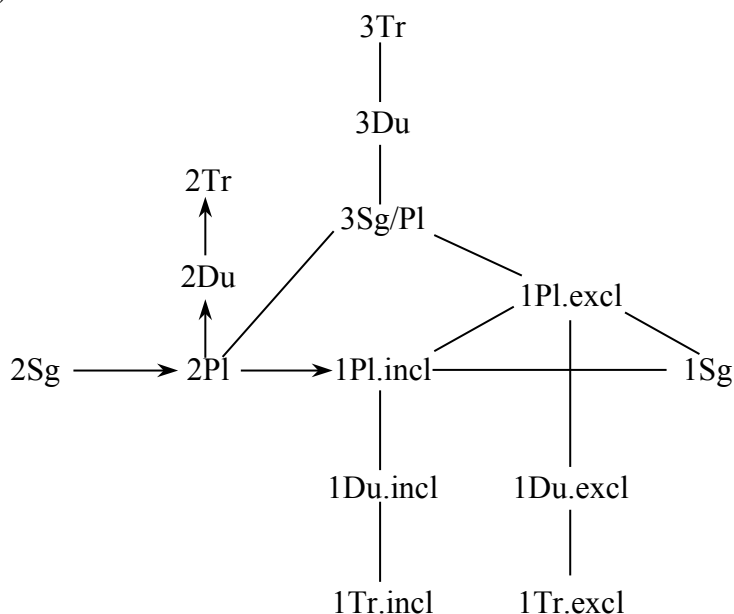

Наконец, следует рассмотреть саму природу императивно-гортативного речевого акта. Он выражает пожелание говорящего и призыв к выполнению этого пожелания. В самом типичном случае этот призыв обращен к адресату (адресатам), который и назначается на роль исполнителя; таким образом, наиболее типичными являются императивно-гортативные формы 2-го лица. Это видно уже в языках «среднеевропейского стандарта» и оказывается верным для 376 языков нашей выборки. Если в языке грамматикализованы хотя бы некоторые императивно-гортативные значения, среди них обязательно будут формы 2-го лица⁴. Мы полагаем, кроме того, что 2-е лицо единственного числа

⁴ Заметим: мы не утверждаем, что в любом языке существует особая конструкция для 2-го лица ед. или мн. ч. Калмыцкий или юкагирский язык могут рассматриваться как языки, которые имеют полную парадигму императива-гортатива, которая используется в том числе и во 2-м лице; однако помимо этого они обладают специализированными формами для 1-го лица мн.ч. (как в юкагирском [Maslova 1999: 172, 568]) или для 3-го лица (как в калмыцком [Benzing 1985: 18, 38, 61, 66, 103, 131–132]).

более типично, чем 2-е множественного. Для немалого количества языков в грамматиках делаются утверждения, что «собственно императив» существует только в форме 2Sg, а 2Pl выражается каким-то иным образом — ср. ниже пример лингала. Мы также полагаем, что множественное число более типично, чем двойственное и тройственное. Относительная типичность тех или иных форм отражена на схеме (29) с помощью стрелок, которые заменяют некоторые линии:

(29)

В императивах-гортативах не-второго лица призыв, как можно предположить, по-прежнему обращен к адресату, но устроен более сложно и, следовательно, соответствующие формы менее типичны для разных языков. Ср. английские конструкции 3-го лица:

(30) английский

Let the party start!
 пусть ArtDef праздник начаться
 ‘Пусть праздник начинается!’

Призыв обращен не к самому празднику, но к адресату или адресатам, которых просят сделать что-то, чтобы праздник начался. То же верно для 1-го лица мн.ч.:

(31) английский

Let us sing!
 пусть мы.Асс петь
 ‘Давайте споем!’

В инклюзивном понимании адресата просят начать петь вместе с говорящим. В эксклюзивном понимании адресат не включается в число тех, кто будет петь, однако по-прежнему он должен сделать что-то, чтобы говорящий вместе с третьими лицами начал петь. В 1-м лице ед.ч. говорящий либо сам одновременно является адресатом, либо существует реальный адресат, которого говорящий просит разрешить ему спеть:

(32) английский

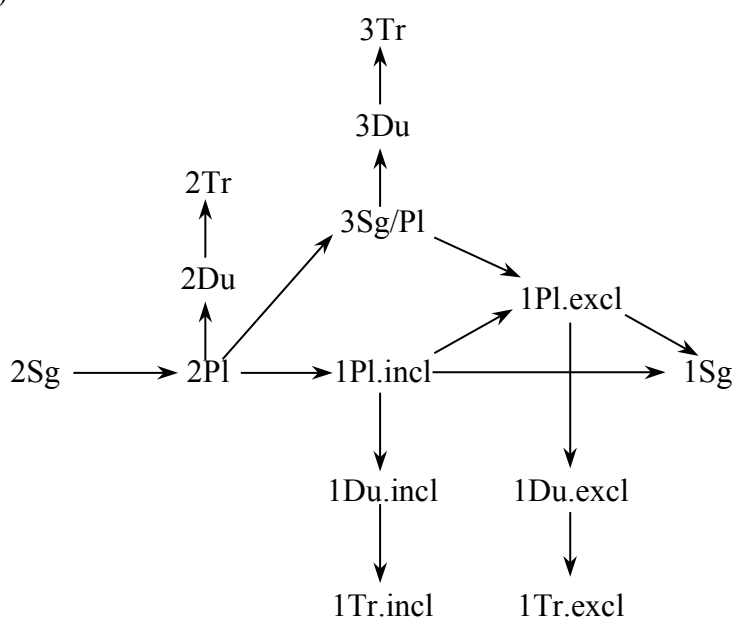
Let me sing!

пусть я.Асс петь

‘Давай(те) я спою’.

Как показывает наш материал, 1-е лицо ед.ч. и 1-е лицо мн.ч. эксклюзива грамматикализуются реже всего, и эти формы, соответственно, наименее типичны для императива. Что же касается 1-го лица мн.ч. инклюзива и 3-го лица, мы не можем сказать, какая из этих форм встречается чаще. Пока мы оставляем их на карте там, где они стоят. Относительная типичность тех или иных комбинаций по-прежнему показывается стрелками; мы также предполагаем, что тройственное число менее частотно, чем двойственное, которое в свою очередь менее типично, чем множественное.

(33)

Карта оказывается весьма сложно устроенной. Мы можем интерпретировать ее как наложение нескольких иерархий. Если пренебречь формами двойственного и тройственного числа, мы получим следующую иерархию:

(34) $2Sg \rightarrow 2Pl \rightarrow 3$ или $1Pl \rightarrow 1Sg$

Противопоставление инклюзива и эксклюзива в 1-м лице мн. ч. также может быть отражено как самостоятельная мини-иерархия:

(35) $1Pl.incl \rightarrow 1Pl.excl$

Для числа кажется разумным использовать известную иерархию, использующуюся в типологической литературе (см. [Corbett 2000: 38 ff.]), представленную здесь в упрощенном виде:

(36) $Sg \rightarrow Pl \rightarrow Du \rightarrow Tr$

Для императива и гортатива, однако, эта иерархия верна только в отношении 2-го лица. В 1-м лице наверху находится множественное число, а в 3-м оно объединяется с единственным. Для всех лиц, однако, верна иерархия (37):

(37) Pl → Du → Tr

3.2. Формальная однородность

Из карты (33) можно сделать разные выводы. Здесь нас будет интересовать только ее релевантность для объяснения формальной однородности или неоднородности императивно-гортативных парадигм. Для этой цели мы используем уже упомянутое требование непрерывности, обязательное для любой семантической карты. В соответствии с этим требованием, формы, построенные в соответствии с одной и той же стратегией, должны располагаться рядом. Выполняется ли это требование для наших 376 языков?

В общем и целом оно выполняется. В подавляющем большинстве языков императивно-гортативные парадигмы строятся в соответствии с предсказаниями нашей карты. Ниже мы проиллюстрируем некоторые из этих парадигм, а в конце статьи обсудим два проблематичных случая.

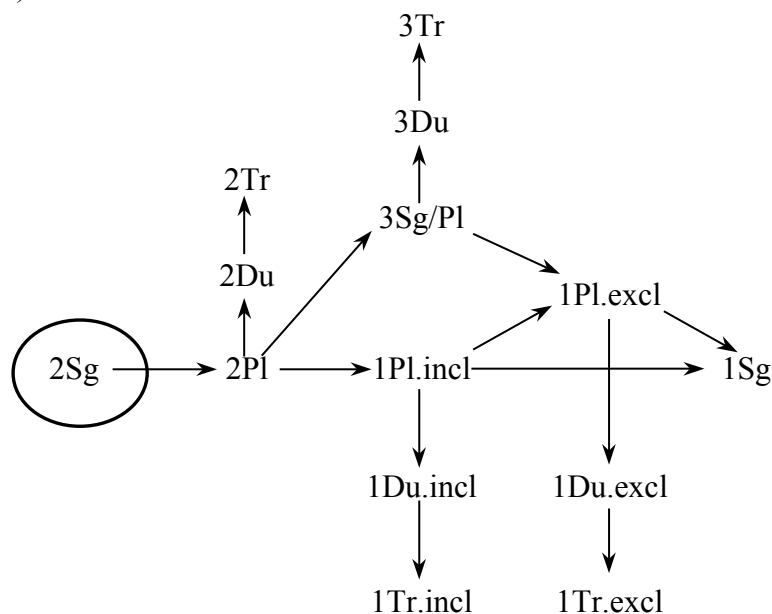
Карта, очевидным образом, допускает, что та или иная стратегия будет использована только в одной форме. Так, императив в языке лингала (семья банту) существует только в 2-м лице ед. ч.⁵:

(38) лингала [Meeuwis 1998: 28]

Sál-á!
работать-EPV.Imp.Sg
'Работай!'

Форма *sál-á* состоит из корня (*sál-*) и показателя *-a*, который в цитируемой грамматике называется «expletive verbal suffix». Во 2-м лице ед. ч. императива это *-a* имеет высокий тон.

(39) лингала

Отметим, что лингала позволяет отдавать приказы и выражать просьбы, обращенные к нескольким адресатам. Для этого используется форма, которая в

⁵ В грамматике [Топорова 1994: 198–199] упоминаются также специализированные императивные формы для 2-го лица мн. ч. и 1-го лица мн. ч. инклюзива. Легко заметить, что все эти формы полностью соответствуют нашей карте.

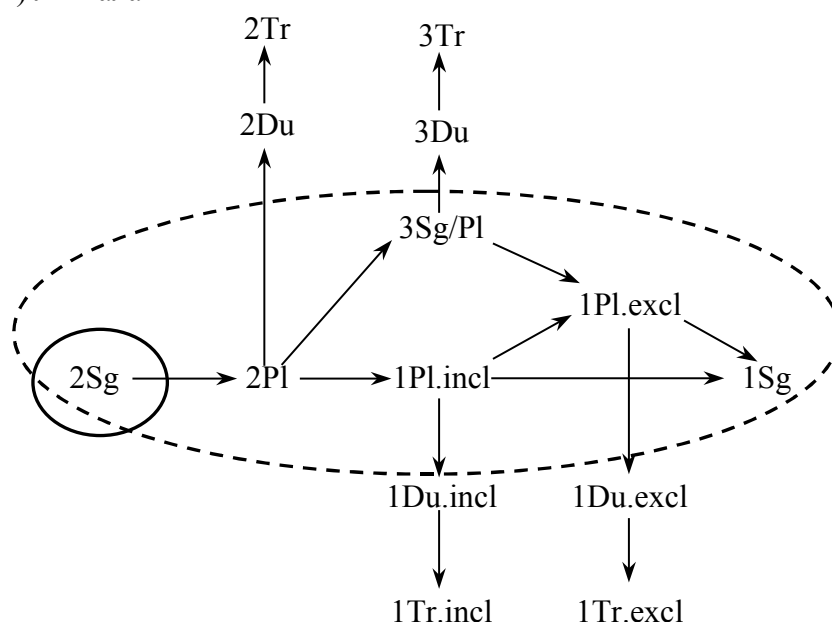
[Meeuwis 1998: 28] называется «субъюнктивом». Морфологически она устроена совершенно иным образом: субъюнктив имеет лично-числовой префикс с высоким тоном.

(40) лингала [Meeuwis 1998: 28; личное сообщение]

	Sg	Pl
1	<i>ná-sál-a</i>	<i>á-sál-a</i>
2	<i>ó-sál-a</i>	<i>bó-sál-a</i>
3	<i>tó-sál-a</i>	<i>bá-sál-a</i>

Формы субъюнктива используются для приказов и просьб не только во 2-м лице мн. ч., но и во всех прочих лицах и числах, включая 2Sg [Meeuwis 1998: 29; личное сообщение]. В соответствии с терминологией, принятой в настоящей работе, лингала, таким образом, имеет полную императивно-гортативную парадигму. Эта парадигма, очевидным образом, удовлетворяет требованию непрерывности; полностью она представлена на схеме (41)⁶:

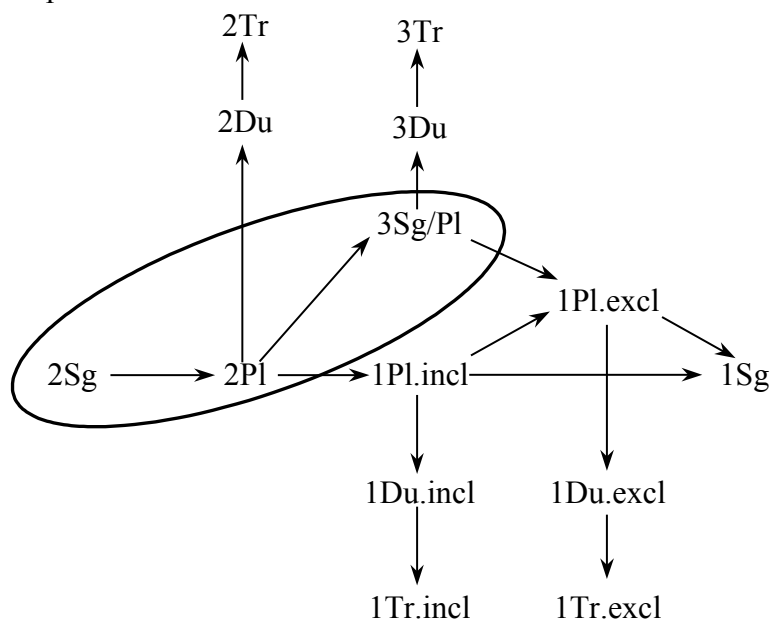
(41) лингала

Ниже представлена система мари́йского языка, уже упоминавшаяся в разделе 3.1. В мари́йском стратегия, используемая во 2-м лице, применяется и в других формах — в данном случае в 3-м лице ед. и мн.ч.

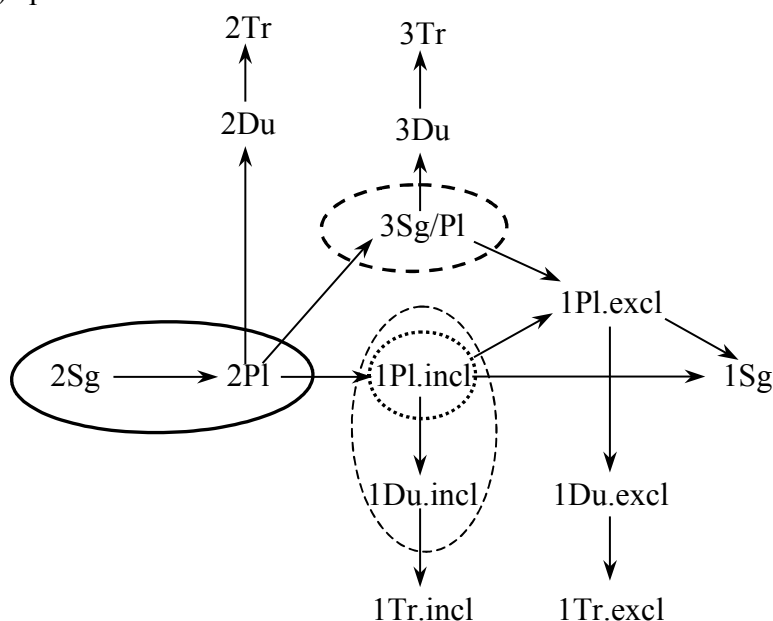
⁶ Мы полагаем, что 1-е лицо мн.ч. императива-гортатива может иметь как инклюзивное, так и эксклюзивное употребление. Если наше предположение неверно и у этой формы есть только одно значение (скорее всего, инклюзивное), то требование непрерывности все равно не будет нарушено.

(42) марийский

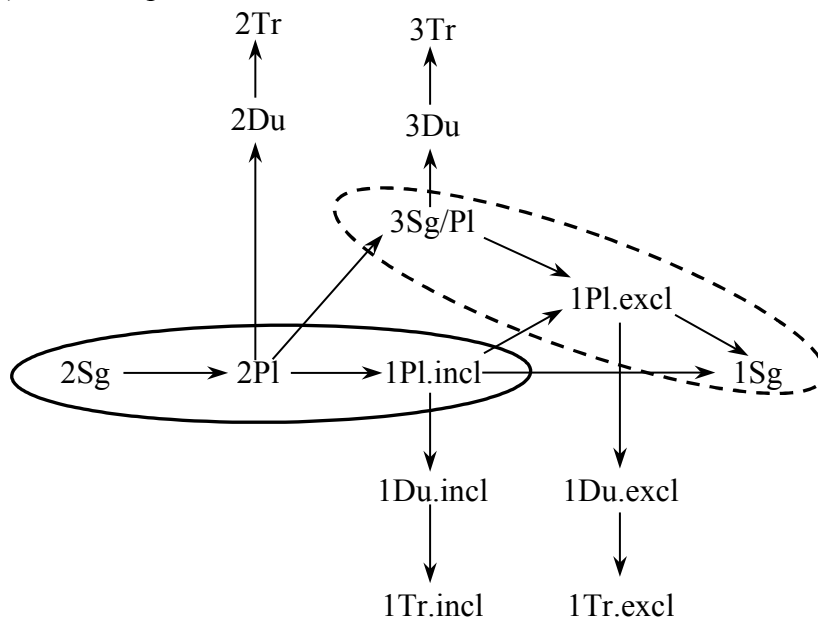
Использование одной и той же стратегии для ед. и мн.ч. очень широко распространено, вне зависимости от того, устроено ли 3-е лицо таким же образом, как какая-либо другая форма, как в марийском, или отличается от всех прочих, как в армянском [Козинцева 1992: 132]:

(43) армянский

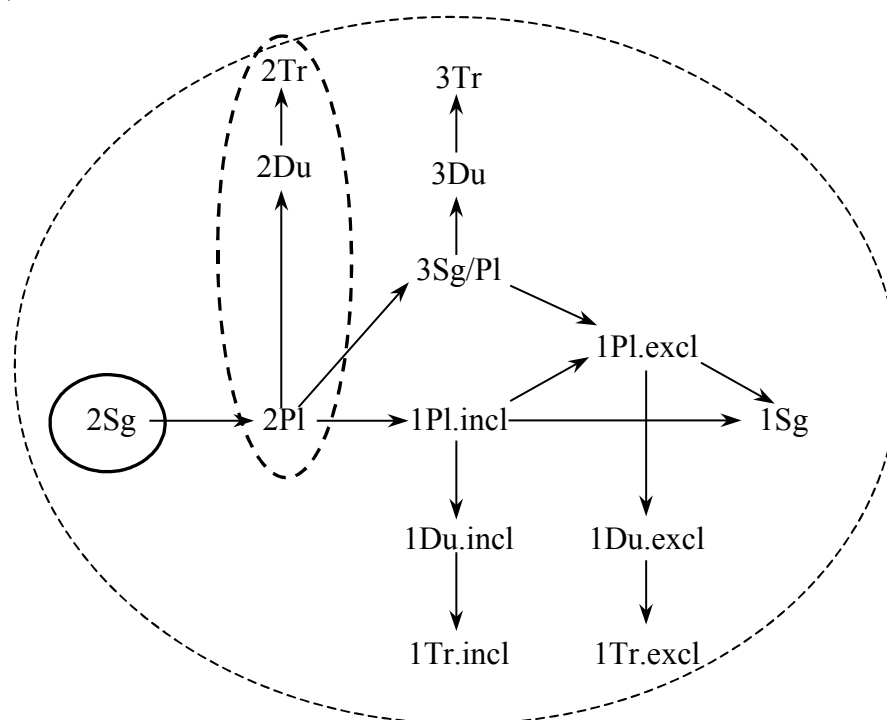
Армянский также показывает, что 1-е лицо множественного — и двойственного — числа инклюзива может отличаться от всех прочих форм. Из двух возможных форм 1Pl грамматикализуется обычно инклюзив — использует ли он свою собственную стратегию (как в армянском) или оказывается однородным с другими формами (как во французском). В эвенском языке (см. пример (22)) обе формы 1Pl имеют специализированные формы. То же верно для западногренландского, в котором эти формы принадлежат к разным парадигмам [Fortescue 1984: 24–27, 291–292]:

(44) западногренландский

Двойственное число присутствует в армянском языке, см. карту (43). Оно имеется и в языке мотлав (Вануату), где есть также тройственное. Мотлав использует три императивно-гортативные стратегии: а) чистая основа глагола во 2-м лице ед.ч.; б) чистая основа плюс особые императивные местоимения 2-го лица всех чисел; в) так называемый «дезидеративный аорист», существующий во всех лицах и числах, а в первом лице двойственного, тройственного и множественного чисел различающий инклюзивные и эксклюзивные формы [François 2001; личное сообщение].

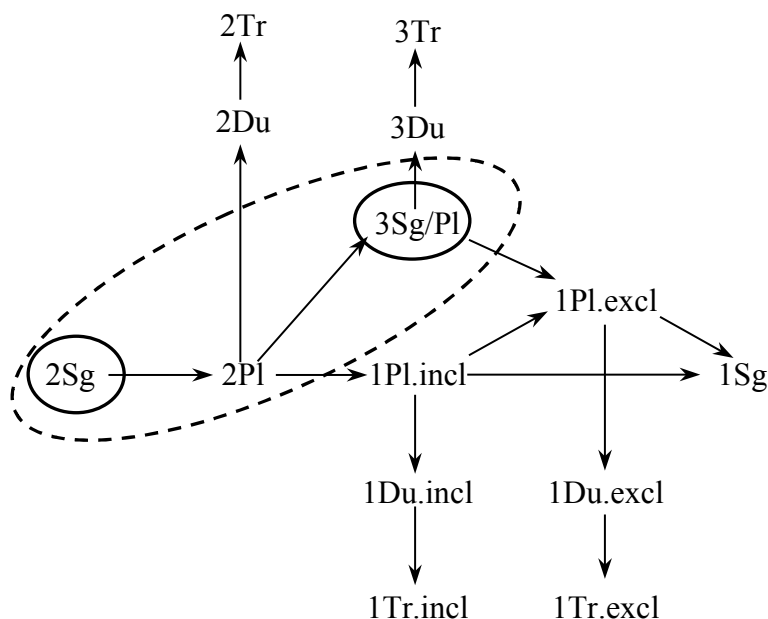
(45) мотлав

Все рассмотренные выше схемы удовлетворяли требованию непрерывности; то же самое верно для подавляющего большинства языков нашей выборки. Существуют, однако, более сложные случаи. Мы рассмотрим здесь два из них.

В языке мапуче (Чили; [Smeets 1989: 233–236]) имеются специализированные формы императива 3-го лица, а также для 2-го лица ед. ч., если его объект — не 1-е лицо. Для 2-го лица дв. и мн. ч., для 2-го лица ед. ч. с объектом 1-го лица в функции императива употребляется индикатив (для 3-го лица такое употребление тоже возможно). Мы видим, что на карте требование непрерывности нарушается.

(46) мотлав

На данный момент не вполне ясно, как трактовать этот пример. Мы может добавить на карту еще один параметр, сделав ее таким образом более сложной; либо мы оставим ее неизменной и признаем, что непрерывность является лишь статистической, но не абсолютной универсалией, а системы конкретных языков возникают в результате взаимодействия нескольких противоречащих друг другу тенденций.

Второй сложный случай представлен французским языком. В одну парадигму входят 2-е лицо ед. и мн. ч. (17), а также 1-е лицо мн. ч. (18):

(17) французский

Chante! / Chantez!

‘Пой! / Пойте!’

(18) французский

Chantons!

‘Споем! / Будем петь!’

Насколько нам известно, форма 1-го лица мн. ч. может употребляться только как инклюзивная. Во французском также есть 3-е лицо императива; эти конструкции состоят из подчинительного союза *que* и глагола в форме субьюнктива.

(47) французский

Que la fête commence!

que ArtDef праздник начаться

‘Пусть праздник начинается’.

Та же конструкция возможна в 1-м лице ед. ч. Ср. пример (48) из [Корди 1992: 202] (другие примеры можно найти в [Grevisse 1980: 854]):

(48) французский

Que je te réchauffe contre moi! (Grammelynck)

que я ты.Асс согреть.Subj.1Sg против я

‘Дай я согрею тебя в твоих объятиях!’

Семантическая карта предсказывает, что подобная конструкция должна существовать и в 1-м лице мн. ч. в эксклюзивном значении; однако опрошенные нами носители языка признали пример (49) очень сомнительным.

(49) французский

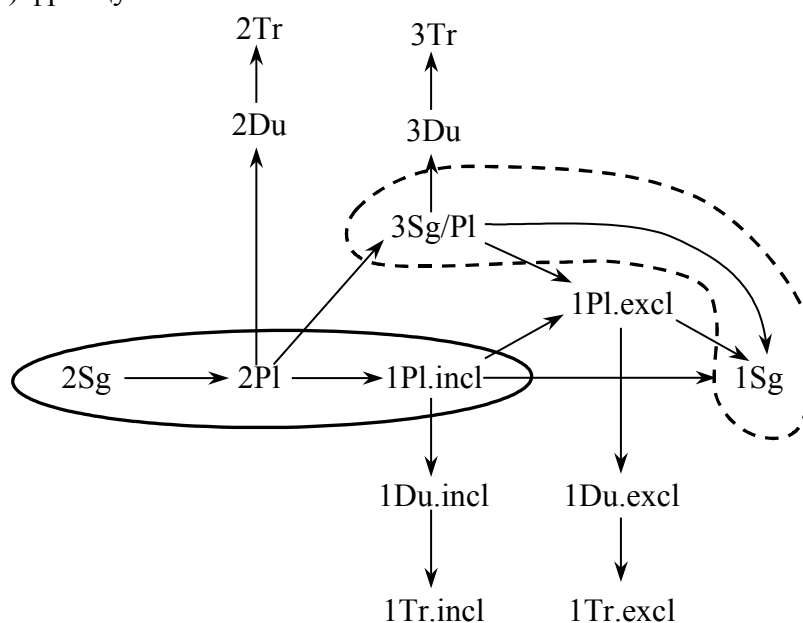
Que nous te réchauffions contre moi! (Grammelynck)

que я ты.Асс согреть.Subj.1Pl против я

‘Дай я согрею тебя в твоих объятиях!’

Если считать, что примеры типа (49) действительно невозможны, то как можно отразить на карте формальную однородность 3-го лица (ед. и мн. ч.) и 1-го лица ед. ч. императива-гортатива во французском языке? Следует ли просто нарисовать линию, соединяющую 3-е лицо и 1-е лицо ед. ч., как на схеме (50), или мы должны считать французский язык исключением из наших правил?

(50) французский

Как и выше, в случае с мапуче, мы здесь не предлагаем определенного решения.

4. Заключение

В статье мы предложили типологию «императивно-гортативных» систем. Термин «императив-гортатив» призван объединить несомненно императивные формы 2-го лица с семантически близкими им конструкциями других лиц — независимо от того, называются ли последние в грамматиках «императивными», «гортативными» или как-либо еще. Конкретная задача состояла в изучении степени формальной однородности внутри таких парадигм. Для объяснения мы воспользовались семантической картой; ее основной принцип состоит в том, что непрерывная область на карте соответствует непрерывной области значений. Карта отражает «типичность» императивно-гортативных значений; на одном конце шкалы находится 2-е лицо ед. ч. — наиболее явная императивная форма, — а на другом — 1-е лицо ед. ч. Из результатов, полученных в области, лежащей между этими двумя полюсами, наиболее интересны два. Во-первых, оказывается, что нет необходимости различать числа в 3-м лице. Во-вторых, из двух возможных значений 1-го лица мн. ч. — инклюзивного и эксклюзивного — для императива-гортатива наиболее характерно первое.

Список сокращений

1, 2, 3	1-е, 2-е, 3-е лицо	Obl	долженствование
Acc	аккузатив	Pl	множественное число
ArtDef	определенный артикль	Poss	притяжательная форма
Du	двойственное число	Praes	настоящее время
excl	эксклюзивная форма	Prob	возможность
ERV	эксплетивный глагольный суффикс	Prol	пролатив
incl	инклюзивная форма	Sg	единственное число
Imp	императив	Tr	тройственное число
Neg	показатель отрицания		

Литература

Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Храковский (ред.) 1992: 5–49.

Володин А. П., Храковский В. С. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.

Корди Е. А. Повелительные предложения во французском языке // Храковский (ред.) 1992: 201–212.

Козинцева Н. А. Повелительные предложения в армянском языке // Храковский (ред.) 1992: 130–143.

Топорова И. Н. Грамматика языка лингала. М.: Помовский и партнеры, 1994.

Храковский В. С. (ред.) Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.

Ammann A., van der Auwera J. A ‘new’ Balkanism? Complementizer-headed main clauses for volitional moods in the languages of South-Eastern Europe. (Доклад на конференции «Balkan Sprachbund», Leiden, 2001).

Anderson Ll. B. The ‘Perfect’ as a universal and as a language-particular category // *Hopper P. J.* (ed.). Tense-aspect: between semantics and pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1982, p. 227–264.

- Anderson Ll. B.* Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries // *Chafe W., Nichols J.* (eds.). *Evidentiality: the linguistic coding of epistemology*. Norwood: Ablex, 1986, p. 273–312.
- Benzing J.* *Kalmückische Grammatik zum Nachschlagen*. (Turcologica 1). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985.
- Bruce L.* *The Alambalak Language of Papua New Guinea (East Sepik)*. (Pacific Linguistics, Series C, No. 81). Canberra: ANU Dept. of Linguistics — Research Unit of Pacific Studies, 1984.
- Corbett G. H.* *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Curnow T. J.* *A Grammar of Awa Pit (Cuaiquer): An Indigenous Language of South-western Colombia* / Ph.D. dissertation, Australian National University, 1997.
- Cysouw M. A.* *The paradigmatic structure of person marking* / Proefschrift..., Universiteit van Nijmegen, 2001.
- Daividsen-Nielsen N.* *Tense and mood in English. A comparison with Danish*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.
- Dryer M., Haspelmath M., Gil D., Comrie B.* (eds.). *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Fortescue M.* *West Greenlandic*. (Croom Helm Descriptive Grammars). London; Sydney; Dover (NH): Croom Helm, 1984.
- François A.* *Contraintes de structures et liberté dans la construction du discours: une description du mwotlap, langue océanienne du Vanuatu* / Thèse de doctorat, Université Paris-IV Sorbonne, 2001.
- Grevisse M.* *Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui*. Paris: Duculot, 1980.
- Haspelmath M.* *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Kemmer S.* *The middle voice*. Amsterdam: Benjamins, 1993.
- Kenesei I., Vago R. M., Fenyvesi A.* *Hungarian*. (Routledge Descriptive Grammars). London: Routledge, 1998.
- Malchukov A. L.* *Imperative Constructions in Even* // *Xrakovskij* (ed.) 2001: 159–180.
- Maslova E.* *A Grammar of Kolyma Yukaghir* / Habilitationsschrift, Universität von Bielefeld, 1999.
- Meeuwis M.* *Lingala*. (Languages of the World/Materials, 261). München: LINCOM Europa, 1998.
- Nedjalkov I.* *Evenki*. (Routledge Descriptive Grammars). London: Routledge, 1997.
- Rijkhoff J., Bakker D., Hengeveld K., Kahrel P.* *A method of language sampling* // *Studies in Language*, 1993: 17, p. 169–203.
- Sebeok T. A., Ingemann F. J.* *An Eastern Cheremis manual. Phonology, Grammar, Texts, and Glossary*. (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series 5–Studies in Cheremis 9). Bloomington (IN); The Hague: Indiana University and Mouton, 1961.
- Smeets C. J. M. A.* *A Mapuche Grammar* / Proefschrift..., Rijksuniversiteit te Leiden, 1989.
- Stanford R., Stanford L.* *Collected Field Reports on the Phonology and Grammar of Chakosi*. (Collected Language Notes nr. 11). S. l.: University of Ghana-Institute of African Studies, 1970.
- Traugott E. C.* *Conditional markers* // *Haiman J.* (ed.). *Iconicity in syntax*. Amsterdam: Benjamins. 1985, p. 289–308.

van der Auwera J., Ammann A. Volitional convergence around the Mediterranean // Sprachtypologie und Universalienforschung, 2001.

van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. Imperative-Hortative Systems // Dryer, Haspelmath, Gil, Comrie (eds.) 2003.

van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic Typology, 1998: 2, p. 79–124.

Van Driem G. A grammar of Limbu. (Mouton Grammar Library, 4). Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.

Xrakovskij V. S. (ed.) Typology of Imperative Constructions. München: LINCOM, 2001.

Zanuttini R. Negation and clausal structure: a comparative study of romance languages. Oxford: Oxford University Press, 1997.